

Перевернувшись на живот, Хаяма потянулся к подушке и, схватив её, уткнулся в неё лицом. Мгновенное погружение в мягкость подушки ощущалось как интимный контакт, а поток воздуха, фильтруемый через хлопок, стал менее свободным. Дыхание в таком положении быстро повысило температуру лица, и тёплое дыхание разлилось по коже.

В этот момент, когда тело всё ещё оставалось холодным, это было поистине приятно.

Однако такая поза, конечно, не могла длиться долго. Если слишком увлечься, можно задохнуться.

— Сейчас я отвечу на всё, что ты спросишь — пожалуйста, пока я не засну.

Иногда он задумывался, не слишком ли лаконичный стиль речи делает его слова непривлекательными? Возможно, стоит попробовать расширять свои фразы. Хаяма тоже чувствовал, что его слова иногда трудно понять.

Слишком короткие предложения, хотя и экономят время, явно не подходят для общения. Фраза вроде «Пожалуйста, пока я не засну» наверняка заставит собеседника задуматься над тем, как её правильно разделить. «Прежде чем я засну, пожалуйста, спроси»? Звучит как ошибка. А «Поторопись, я скоро засну» кажется грубым.

Ладно, голова кругом. Нет нужды насильно менять свою натуру.

Так почему же он вдруг начал заикливаться на таких вещах.

— ...Рин, может, я преувеличиваю? Тебе не кажется, что ты слишком переживаешь из-за меня?

Кандзаки не ошибся, именно это и было причиной его колебаний. Просто из-за различия в объектах он не ожидал, что разница в чувствах будет такой большой. Хаяма вынужден был признать, что «любовь» — это действительно нечто непостижимое.

— Кандзаки, ты можешь подойти ближе? Твоё духовное давление делает меня спокойнее.

Если бы кто-то другой услышал это, он бы наверняка испугался или решил, что это глупо. Но Хаяма действительно так думал. Может, это можно назвать капризом? Нет, такие милые слова никак не сочетаются с его каменным лицом.

Хаяма повернул голову, чтобы подушка не мешала дыханию. Может, стоит купить себе подушку для обнимания? Не слишком ли это по-девичьи? Хотя он действительно об этом думал. Если получится, можно будет использовать Кандзаки как живую подушку — всё равно это только фантазия, можно немного переборщить.

— Хотя это я начал, мне кажется, что это слишком тяжело.

Хаяма смирился. Кандзаки, воспользовавшись тем, что он его не видит, сделал что-то, что буквально придавило его.

— Одеяло, продукт Кандзаки.

Ему так хотелось посмеяться. Откуда он взял такую рекламную фразу? Наверняка не его вина, ведь Хаяма редко смотрит телевизор.

— Так что, я могу считать, что ты лежишь на мне, как □□?

Не слишком ли это... яркое сравнение? Хаяма думал, что «использование юмористических слов может быть полезным», но на самом деле это выглядело смешно.

— Ээ, забудь — я просто пытался изменить стиль разговора, чтобы не было скучно. Но, похоже, это получилось неудачно.

— Ничего подобного, Рин. Хотя я не сразу понял, это было довольно забавно.

Кандзаки, наверное, утешал его. Хаяма улыбнулся. Под влиянием духовного давления напряжённая тяжесть стала менее ощутимой.

— Я постараюсь... давай не спешить. Странно звучит, когда это говорю я сам?

Подбадривать себя — обычно такое не делают.

— Нормально, но, Рин, мне кажется, твои фразы как-то странно строятся... Не то чтобы это были ошибки, просто звучит немного неудобно.

Хаяма потянулся, наслаждаясь ощущением, как тело погружается в одеяло. Телефон, который он бросил в угол кровати, пришлось искать правой рукой, размахивая ею в поисках.

— А, вот он.

Слепое ощупывание привело к тому, что он нашёл его мгновенно. Надо поблагодарить того духа.

— Уже так поздно. Рассказать тебе о моих глазах? Может, к концу истории подойдёт время готовить ужин.

— Ммм... — ответил Кандзаки, явно колеблясь. — Мне очень интересно... Рин, ты не против?

— Если бы я был против, я бы сам не начал.

Кандзаки действительно слишком много думал. Он был добрым человеком, всегда заботился о других. Но если так подумать, не был ли он типом, который жертвует собой ради других? Наверняка он был популярен при жизни, но, возможно, такая доброта приносила ему только убытки?

Не стоит так эгоистично анализировать других, это только делает тебя мелочным.

— Ты прав. Хах, я, наверное, слишком много думаю.

— ...Мне нравится твой стиль, — тихо сказал Хаяма.

— Ээ? Что ты сказал?

— Ничего. Думаю, с чего начать... Может, с того, почему я не говорю тебе свою фамилию?

Кажется, это не связано с темой глаз, но если продолжать, Кандзаки поймёт связь. Хотя его навыки рассказчика оставляют желать лучшего, надеюсь, он сможет объяснить.

— «Имена обладают силой»... Я слышал это раньше, иногда мимо проходили духи — хотя мы почти не разговаривали, кое-что всё же понял.

— С тех пор, как Рин появился, я больше не встречал их.

Конечно, их изгнали. В тот же день, когда Хаяма заселился, он рассыпал оберегающую соль в коридоре. Так как это не было чем-то, о чём стоило специально упоминать, он не говорил об этом Кандзаки.

— Да, точно. И я тоже не знаю твоего полного имени, в этом мы равны.

Чтобы сохранить отношения между экзорцистом и духом и не допустить их ухудшения, пришлось отказаться от имён.

— Если ты скажешь мне своё имя, я смогу изгнать тебя одним заклинанием — даже для богов имена — это табу.

— Ага, вдруг подумалось, что «Кандзаки» (kamisaki) звучит почти как «господин бог» (kamisama). Тебе раньше об этом говорили?

— Кажется, да... Когда я был жив, кто-то называл меня «господин бог». Смутно припоминаю, но точно не помню.

— Ха, прости, не удержался и увлёкся. Продолжим?

Хаяма пошевелился, дождавшись, когда давление ослабнет, и перевернулся на спину, раскинув руки и ноги в форме буквы «большой».

— Когда я впервые осознал себя, я уже проходил обучение как экзорцист.

— То есть с детства...?

Хаяма закрыл глаза, как будто это поможет ему лучше вспомнить. После короткой паузы он медленно произнёс:

— Раньше наша семья была очень известна.

— Не думай, что я хвастаюсь — это просто факт. Кандзаки, ты, наверное, не знаешь, но если бы ты пошёл в Ассоциацию экзорцистов и спросил, даже спустя столько лет, все бы тебе ответили.

Причина их известности проста: сила способностей у каждой семьи разная, и, к сожалению, семья Хаяма была на вершине.

— Ассоциация?

— Да, но, конечно, обычные люди о ней не знают — это что-то вроде шпионской организации? Хотя это странное сравнение, но ты понял, о чём я.

— Рин... Не нужно заставлять себя шутить. И, честно говоря, мне больше нравится твой обычный стиль речи.

Он не заставлял себя. Хаяма искренне хотел измениться, хотя это было сложно, но попробовать стоило. Упомянув это, он вспомнил ещё кое-что:

— В детстве я был очень непослушным.

— Ээ.

Может, это просто детская природа. В три-пять лет, когда тренировки ещё не были слишком сложными, у него было свободное время. Тогда он часто бродил по парку рядом с домом и даже не знал, что нельзя рассказывать посторонним о «духовном зрении», что вызывало много проблем.

— Когда я пошёл в школу, меня много раз били, и постепенно я перестал говорить — в детстве я даже не умел читать настроение людей, как можно было избежать ошибок?

— ...Понятно.

Вспомнил, как учил японский, изучая чтение иероглифов, и от этого голова шла кругом.

Так что до сих пор я не могу обойтись без словаря.

Наверное, у меня уровень грамотности как у дошкольника.

<http://bllate.org/book/16196/1453330>